

Проблема глобализации особенно остро переживается в азиатских странах. Японии, единственной стране из тройки «Китай-Корея-Япония», удалось выработать универсальный механизм взаимодействия нового и старого, что, безусловно, является результатом длительных поисков, начавшихся ещё в XIX в.

Подобный механизм выступает в роли страховки, не дающей потерять национальную индивидуальность. О значимости народной культуры для современного японского искусства и пойдёт речь в данной статье.

Мария Крижевич,

культуролог,

Российский институт культурологии,

Москва,

niks31@mail.ru

Народная культура Японии: особенности в XXI в.

В условиях активной коннотации с чужой культурой колорит и традиции, заложенные в основу произведений японского искусства и литературы, проявляются, будто находясь под увеличительным стеклом.

Начнём с определения предмета. Сама по себе народная культура состоит из двух видов: популярной и фольклорной¹. С глубиной древности и по сей день эти два типа культуры находятся во взаимодействии. Первая «вытаскивает» образы и смыслы из второй, актуализируя их. Со временем они становятся достоянием истории и переходят вновь в пласт фольклора, менее динамичной, но всё же меняющейся, части традиции. Развитие городской культуры

¹ Культурология: теория и история культуры — Курс лекций / Под ред. В.Ф. Мамонова. — Челябинск, 1994. Ч.1. — С. 29.

и информатизация общества делают этот переход настолько быстрым, что, можно сказать, оба типа существуют на едином уровне. Если говорить о Японии, то деревенский фольклор, религиозный, основанный на эзотерических, мистических учениях буддизма и анимизме, в Новое Время дополнился городским фольклором. Этот уникальный коктейль питает умы деятелей современной культуры до сих пор. Аудитория народной культуры, включающей в себя народные предания, танцы, сказки, ритуалы и прочее, — всегда подавляющее большинство общества, что делает народную культуру идеальной «мишенью» для поп-культуры, эксплуатирующей вкусы большинства.

Что касается современного информационного общества и массовой культуры,

тизма религиозного и культурного. Речь идёт о двухчастной системе *рёбу синто*, подразумевающей единение буддийских верований и синтоистских.

Среди характерных черт японского искусства можно назвать созерцательность. Если говорить о народной культуре, а не куртуазных традициях (любование свитками и прочее), пришедших из Китая, то сам акт созерцания традиционно связывался с обрядом усмирения, гармонизации пространства. Изначально *ханаб* (обряд любования сакурой) имел привязку к ритуалу усмирения духа дерева, связанного с сельскохозяйственным циклом. Считалось, что у *ками* (духов), как и у человека, две души. Одна — спокойная (*ниги митама*), вторая — буйная (*ара митама*). С последней-то и приходится иметь дело.

Baku Maeda (Баку Маэда) —
проект Ribbonesia:
<http://www.ribbonesia.com/top.html>

то первый термин не случайно был выдвинут японскими специалистами в связи с «информационным взрывом», произошедшим в 1960-е годы. Изначально он означал такой тип общества, в котором в изобилии циркулирует высокая по качеству информация, а также есть все необходимые средства для её хранения, распределения и использования. Информация легко и быстро распространяется по требованиям заинтересованных людей и организаций и выдаётся им в **привычной** для них форме. А что может быть удобнее и привычнее компонентов, образов, коренящихся в народной культуре?

Не лишней здесь будет оговорка: классическая и народная культура имеют много точек соприкосновения, обусловленных уникальной ситуацией синкре-

Это восходит к ритуалу *куними* — «смотрению страны», который исполнял первый мифический император². Подобная установка изначально подготавливает и вырабатывает **зрение**, что позволяет наиболее адекватным образом пользоваться данным инструментом. Не случайно обилие явлений и продуктов современной культуры, которые надо потреблять непосредственно смотрением (*аниме, манга*).

Японский театр Кабуки построен на том же принципе. Именно этот театр стал по-настоящему народным, включив в круг своих интересов события текущей жизни. В отличие от театра Но, в основе которого религиозная система *року-до*

² Цит. по Ермакова Л. М. Взгляд и зрение в древнеяпонской словесности // Сад одного цветка: Сборник статей и эссе. — М.: Наука, 1991.

(«восьмеричного пути» спасения души), и где главным выразительным средством был голос. Сейчас Кабуки воспринимается молодёжью как некая законсервированная, традиционная форма искусства, однако его принципы и эстетика прочно вошли в сознание современного японца. Более того, они определяют всё массовое, популярное искусство нынешней Японии: комедийное кино, манга и аниме. Герои часто изображаются в образе актёров Кабуки, дабы подчеркнуть гротесковость, нарочитость и театральность происходящего. И трактовка персонажей, и распределение ролей восходит к пьесам Кабуки.

То же мы видим и в музыке. В ходе своих живых выступлений многие современные музыканты используют эти

образы (их легко узнать по гриму и характерным позам), к примеру, группа D'espairs Ray и ряд групп направления Visual Key, что, несомненно, выделяет их на мировой рок-сцене.

Символичность традиционной культуры органично отвечает стремлению работать с формами и конкретными маркерами, провоцирующими запрограммированный отклик. По аналогичной причине сейчас большую популярность снискали персонажи, отдельные образы, а не сами актёры.

В XVII в. в Японии появился ещё жанр театрального искусства, ориентированный на простых горожан — Ёсэ. Основной репертуар театров Ёсэ составляли устные повествования *кодан* («публичное выступление») о жизни представителей знати и *ракуго* («рассказы с комической концовкой»). Со временем появилась даже газетная разновидность *кодана* — короткие фельетоны о самых насущных проблемах и последних событиях³. По сей день можно наблюдать телевизионные шоу комедийных актёров, построенные на рассказе. Некоторые представители этого жанра специально стилизуют своё выступление, надевая костюмы VII в. (Katsura Kaishi, Katsura Utsuke), оставив *ракуго* в неизменной форме. Данный жанр стали эксплуатировать и иностранные актёры, к примеру, William Crowley.

Современные темы связаны с событиями повседневной жизни. Одна из популярных — еда (посещение общепита, сам процесс еды). Форма рассказа осталась прежней, что говорит о разумности простоты (рассказчик сидит близко перед зрителями, не имея никаких, по сути, средств выразительности, кроме собственного тела и голоса).

Литература является, пожалуй, наиболее полным средством выражения идей и мотивов народной культуры. Особый толчок она получила в XVI-XVII вв. в связи со становлением городской культуры. Тогда в город потянулись представители низших сословий, интересы которых разнились с предпочтениями знати. Наиболее популярным источником вдохновения для баек, преданий,

Народная культура Японии: особенности в XXI в.

Yukari Terakado (Юкари Теракадо) — girl-5 (Девушка №5), <http://www.flickr.com/photos/40353364@N08/>

³ Страна Восходящего Солнца: История и культура Японии. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.

ходивших в народе, всегда было нечто мистическое. Большое развитие получили легенды о местных *ками*, привязанных обязательно к какой-то одной территории, и страшные рассказы о духах умерших, которые ходили в народе с древних времён. На протяжении долгого времени данный арсенал никак не пополнялся, пока широкое развитие в Японии не получил эзотерический буддизм во главе с сектой Сингон, основанной Кукаем. Именно тогда верования буддизма начали особенно тесно сплетаться с синтоистскими представлениями, что выражалось в отождествлении одних божеств с другими. Например, в центр пантеона секта Сингон ставила, как и в синтоизме, *Аматэрасу Оомиками* (Солнечную богиню). Другие же *ками* считались манифестациями Будды Махавайрочаны. А с развитием городов весь этот философско-литературно-мифический конструкт обогатился и наследием городской культуры, то есть рассказами о горожанах, сталкивающихся с потусторонними силами. Жанр триллера и детектива всегда наряду с эротикой пользовались популярностью. Именно они составляют по сей день костяк современной литературы. В наши дни сюжеты различных преданий не раз входили в основу литературных произведений, кино и анимационных сериалов. В японской литературе Нового Времени мы сталкиваемся с понятием *кайдан* («занимательные страшилки»). Это истории, нередко бывавшие включёнными в список пьес театра Кабуки, что подчёркивает взаимосвязь всех видов искусства. К примеру, можно вспомнить *Токайдо Ёцүя кайдан*. Сюжетом данной истории стало повествование о человеческих страстях. Героев связывают любовные чувства, сеть преступлений и тягот жизни. А одна из первых книг, собравших разные страшные истории, вышла в 1677 г. под названием *Shokoku Hyakumonogatari* (Tales of many countries).

В целом же для *кайдана* характерно присутствие потусторонних сил и сверхъестественных существ, которые активно вторгаются в жизнь человека и действуют наравне с главными героями. Такое развитие сюжета можно часто видеть в «историях о призраках», которые лежат в основе сотен современных произведений. Зачастую движет сюжет мотив мести, испол-

няемый этими призраками (иногда из-за несчастной любви). А некий фатализм во многом связан с идеей воздаяния по принципу кармы. Встречается и мотив проклятого места, с которым связаны герои. Также особенностью историй данного типа является обилие характерных, узнаваемых персонажей, активно проявляющих себя и свои чувства.

Привлекательность подобных сюжетов неспроста связана со временем их особо широкого распространения. Психологи давно подметили: при относительно спокойной жизни человеку не хватает острых ощущений, которые он получает, смотря триллеры или занимаясь экстремальным спортом. Основными потребителями *кайдана* были относительно небогато живущие горожане, впрочем, как и современные жители мегаполисов. В ситуации, когда рынок наводнён товарами, предложение перекрывает запросы большинства, подобная эмоциональная встряска просто необходима. И эта тенденция характерна не только для японского общества, но и для всего современного мира.

Стоит отдельно упомянуть оборотней, образы которых также восходят из глубин народной культуры. Частично истории об оборотнях пришли в Японию из Китая. Там нередко истории об оборотнях, проникавших в гарем императора под видом наложницы, а потом соблазнявших его жён. В Японии же оборотни связывались с лисами (*кицунэ*), которые были способны превращаться в человека. Обычно

Yoskay Yamamoto (Йоскай Ямамото) –
Nightmare of a Daydreamer (Кошмар мечтателя):
<http://yoskay.blogspot.com/>

лиса принимает облик прекрасной девушки, соблазняющей путников. Кто не знает, изначально в японских верованиях образ лисы связывался с богом Инари, относящимся к сельскохозяйственному культу. Позднее он перемешался с китайским образом лисы-демона. Последний вариант прочно вошёл в популярную культуру, как средневековой Японии, так и современной. В частности, можно вспомнить анимационный сериал *Wolf and Spice (Ookami to Koushinryou)*. Главная героиня хоть и волчица, но внешне напоминает лису. На это есть и прямые указания в тексте. Итак, перед нами предстаёт богиня-волчица Хоро, которая охраняет урожай крестьян, согласно уговору. Однако люди забыли о договоре, что является толчком для развития сюжета. Богиня принимает

лекарств, который борется со злыми духами *монопоке*, живущими в мире благодаря негативным поступкам и порокам людей. Кстати, перед данным сериалом показывались *Ayakashi — Samurai Horror Tales*, рассказывающие о традиционных народных поверьях, представляя собой в определённой степени просветительскую передачу и показывая актуальность явлений народной культуры. Весьма показательны сериалы *Requiem from the Darkness: 100 Stories* (действие происходит в Новое Время), *Bakemonogatari*. Переработанный материал народных верований можно найти почти во всех произведениях жанра «мистика» (*Ghost Hunt, Ghost Hound, Shikabane Hime: Aka, Shinigami no Ballad, Ga-Rei: Zero*). Даже в OAV *Karas*, где сюжет строится вокруг жизни города, населённого различными духами. Так, мы сталкиваемся с водным духом *канпа*, который повинен в смерти людей. Традиционно в фольклоре этот дух крадёт и съедает детей. До сих пор в отдельных городах проводятся праздники с запуском фейерверков, которые призваны распугать таких злых духов.

Отдельный вопрос — японская популярная музыка, выросшая на национальной почве: *каёкёку*. Расцвет этого жанра приходится на 1920-е гг. В музыкальном отношении сейчас данный стиль представляет собой некий синтез традиционной западной мелодики и специфических японских приёмов. Востребованность подобного рода музыки постоянно поддерживает народные традиции. Японская народная музыка, в отличие от классической, всегда апеллирует к человеческим чувствам, в первую очередь, к отношениям молодых людей, восходя к фольклорным мистериям *кагура*. Среди исполнителей, использующих народное музыкальное наследие (как в технических, так и стилистических приёмах), стоит отметить музыкальный проект *КОКИА*. Тексты песен во многом соотносятся с народными. Тематика: природа, окружающий мир, отношения с семьёй, родом. Тональность — преимущественно минорная.

Что касается современного искусства, то оно сильно связано именно с народным, прикладным, которое, надо сказать, до сих пор пользуется спросом. В качестве основы во многих работах прослеживается связь с тканевым узором.

Народная культура Японии: особенности в XXI в.

облик юной девушки с ушами и хвостом.

В современной поп-культуре использование звероморфных мотивов чрезвычайно распространено, однако модус строго противоположный негативному — звери вызывают позитивные эмоции. Итак, начиная с моды (большая популярность пижам в виде костюмов зверей, перчатки-лапки), заканчивая поп-группами (бойз-бенд *Hotch Potchi* активно эксплуатирует образ собак), оборотни плотно вошли на масс-маркет.

Что касается использования народных поверий, синтоистских мотивов, то в современные явления культуры они могут входить в чистом, почти неизменённом виде. Хорошим примером является манга и анимационный сериал *Монопоке*. Его сюжет строится на путешествии продавца

Поверхность картины мыслится буквально, как растянутый шёлк, с чёткими, заполненными фоновым рисунком плашками. Нередко встречаются техники аппликации, коллажей (работы Маюко Фудзино, Юкен Терауя), миниатюры. В частности, можно назвать популярного современного художника Баку Маэда, занимающегося оригами с использованием тканевых лент вместо бумаги. Профессионализм ремесленника остаётся, однако точка зрения иная: перевод простых вещей в разряд произведения искусства по меркам западного мира.

Если говорить о современном японском искусстве в целом, то практически все произведения можно разделить согласно следующей системе. Здесь детство воспринимается в качестве нового художественного метода. При этом тематика и стиль делятся на два направления «детские страхи» и «детские фантазии». В большей степени нас будут интересовать работы, ведь они опять возвращают зрителя к народным страшным историям *кайдан*. К подобному направлению относятся работы таких художников: Тецуя Исида, Тио Аосима, Юкари Теракадо. А героями картин Йоскай Ямамото выступают боги грома, бури, воды, драконы, священные карпы, выполняющие роль прямых ретрансляторов народных представлений.

Как можно убедиться, в Японии народная культура в своих неизменных формах зарекомендовала себя в качестве жизнеспособного конструкта. Мы видим и стабильное празднование народных праздников, к примеру, праздник, посвященный плодородию, когда по улицам ходят процессии с моделями фаллосов. Казалось бы, столь архаичные явления органично вписываются в действительность благодаря изначальным векторам японской культуры и особой религиозно-философской системе. Важно, что в подобных действиях принимает участие не только пожилое поколение.

Школы прикладного искусства до сих пор живы и всячески поддерживаются. Но всё же жители крупных городов чаще приобщаются к культуре прошлого опосредованно, через произведения поп-культуры, безусловно, в искажённом виде. Пожалуй, только культура

современной Японии имеет конкретное основание в виде классической культуры и народной, что делает её узнаваемой и за пределами страны, и для самой этнической группы, эффективным механизмом адаптации инновационных решений и различных заимствований, выводя массовую культуру Японии на новый уровень. Как отмечал П.А. Мошняга, говоря о современной японской культуре, «японская модель глобальной культуры отличается от западной модели тем, что склонна сохранять **историческое действо** в пост-исторический период»⁴. Как раз историческое действие составляет в большей степени блок народных верований, традиций.

Хочу обратить внимание на то, что человек массовой культуры в Японии — не только носитель и потребитель, но и ретранслятор, производитель культуры. Сейчас можно наблюдать активное распространение не только классической японской культуры в виде монохромных пейзажей, четверостиший и дзен-буддийских *коанов*. Поп-культура, как вместилище именно народного начала, завоевывает сердца и международные рынки, становясь, пожалуй, более продаваемым и востребованным брендом, нежели самурай и гейши. Одновременно с этим есть основания констатировать постоянную актуализацию основ народной культуры наряду с рождением новых уникальных явлений, построенных на синтезе западной и японской культуры.

Что касается России, то с каждым годом интерес к народной японской культуре увеличивается всё больше, что, безусловно, позитивным образом сказывается на культурном обмене между странами и расширении горизонтов в сознании россиян в отношении культуры Японии, народное составляющее коей оказалось очень удобным и жизнестойким продуктом в условиях капиталистического общества. Во многом культурная политика Японии, направленная на поддержание народной культуры, выступает неплохим примером того, как можно сохранить культурную память и идти в ногу со временем.

⁴ Мошняга П.А. Глобализация японской культуры. — М., 2010. — С. 151.